

Я излазил коридоры и этажи медицинской системы и понял: смысл этой системы — пытка

Она создана не для того, чтобы людям было проще выжить, а для того, чтобы на каждом шагу устраивать шмон, проверку бумаг и пересчет по головам.

В последние два года я помогал человеку, которому сначала предстояла тяжелая операция, потом восстановление после операции, а потом жизнь со справкой об инвалидности. Но это не история болезни и не рассказ о пяти операциях, четыре из них — эндопротезирования; это всего лишь заметки друга и помощника, который, помогая больному, излазил коридоры и этажи медицинской системы и теперь хочет рассказать об этом.

С чего всё начинается? Сегодня в России всё начинается с одного: с денег. То, что я сейчас скажу, не надо считать пропагандой или объяснением в любви к СССР, но: в 1990-м, последнем году Союза, операции эндопротезирования были бесплатными. Бесплатно было всё: швейцарские протезы, сложная операция у самого лучшего хирурга, пребывание в больнице. Все это оплачивалось налогами, то есть общим сбором всех трудящихся людей. Через 20 лет, когда протезы изнашивались и пришло время их менять (так называемая ревизия), — платным стало абсолютно всё. Больница стоит на том же месте, перед корпусом растут те же деревья, хирург тот же самый, лечащий врач прежний, даже палата не изменилась, — только теперь то, что было бесплатно, стоит больших денег. Налоги мы, как и прежде, продолжаем платить, —но только теперь после этого мы платим своими кровными еще и за лечение.

Есть, конечно, квоты. Два слова о квотах. У государства может не быть денег на дворцы и Олимпиаду, но на медицину деньги должны быть! Какие могут быть квоты, если вся страна постоянно собирает деньги на операции взрослым и детям? Операции должны делаться не по квотам, а по медицинским показаниям, и не тогда, когда квоты есть, а в тот момент, когда это нужно человеку. И вот мы сидим в очереди в обложенной белым кафелем, с черной жидкой грязью на полу комнате, у двери врачебного кабинета в одной из городских больниц, и из кабинета то и дело с недоуменными лицами выходят прихрамывающие люди. Я уже знаю эту прихрамывающую походку, это подволакивание ноги, оповещающее о болях в кости и разрушении сустава. Всем им сегодня один ответ: «Квот нет!» Один из людей с припадающей походкой объясняет мне систему: они специально тянут и не дают квоты, чтобы как можно больше людей сделали операции за свой счет. А в конце года, в декабре, квоты появятся... А если кому-то надо операцию раньше? Сейчас? Немедленно? Как нам, потому что воспаление сустава не позволяет ждать. Мы оперируемся вне квот, за собственные деньги, в другой больнице.

Если вам надо сделать операцию и вы уже выбрали хирурга, то это не значит, что всё в порядке и можно ложиться в больницу. Человеку, которого Бог миловал от подобных вещей, трудно в это поверить, но прежде вы, с вашим разрушенным суставом и дикой болью, должны поехать в совсем другую больницу. Здесь, в больнице, специально уполномоченной государством на выдачу справок, вам нужно посидеть в очереди и получить бумагу о том, что вам действительно нужна операция по замене сустава. Такая справка необходима для последующего оформления инвалидности. Здесь, при первой же встрече с системой, вы с удивлением, которое быстро пройдет, понимаете, что наше мелочное, экономящее на пенсиях инвалидов государство не верит ни вам, ни хирургу, который будет вас оперировать, ни больнице, в которой он работает. То есть: одна часть государства не верит другой его части и требует подтверждения от третьей — и в придачу еще подозревает вас в том, что вы хотите лечь на операционный стол, просто так, в виде развлечения!

Молодой врач объясняет со смехом ситуацию, подмахивая бумагу: «Система никому не верит! Она нас всех подозревает, и вас тоже! Мы все в их глазах преступники».

Эта система подозрительна, как вертухай. Хирурга, который делает операцию, она подозревает в том, что он будет вынимать суставы и вставлять протезы не для того, чтобы излечить людей, а с какими-то совсем другими целями. Невозможно сформулировать бредовые подозрения системы относительно хирурга, потому что трудно даже представить, зачем ему еще оперировать людей. И больному — тем более веры нет, потому

что вдруг он решил вынуть из себя суставы и вставить в себя протезы только затем, чтобы потом получить от государства инвалидную прибавку к пенсии. Вот и приходится больным ездить по городу за справкой, подтверждающей, что операция им действительно нужна. А вы стали бы менять себе суставы, если бы это было вам не нужно? Просто так? Для удовольствия? Как забава?

Получение справок превращается во вторую работу человека, и без того пригнутого к земле болью и операциями. За каждым клочком бумаги нужно куда-то ехать по огромной Москве. Справка о том, что мы делаем операцию не по собственной блажи, а потому, что она нужна, — у нас уже есть. Через некоторое время нужна справка о том, что протезы куплены правильно и что вообще куплены протезы. Это должен удостоверить зав. хирургическим отделением больницы, к которой мы, опять же, не имеем никакого отношения, — мы там не лечились, не оперировались, не лежали. Но ехать туда надо. Как, однако, протезы могут быть куплены неправильно, если их покупали профессионалы, сделавшие тысячи таких операций? Незнакомый мне врач подмахивает бумагу не глядя, потому что ему, как всякому нормальному человеку, ясно, что его коллега, делавший операцию, не может купить для нее неправильные протезы. Замглавврача по хирургии этой же больницы тоже подмахивает не глядя, словно отталкивая от себя пустую формальность. Люди, занятые делом, подписывают такие бумажки сразу, не читая, это я заметил.

Это кажется пустяком — получить справку. А если две? Если посетить пять мест? Это не пустяк, когда на получение справок тратишь дни и часы, и время боли и болезни превращается в хождение по присутственным местам и пропахшим больничной кашей коридорам. Все эти прямоугольные кусочки бумаги с печатями и закорючками не имеют никакого отношения ни к работе хирурга, каждый день стоящего у операционного стола, ни к работе протезов, заменяющих человеческие суставы, ни к выздоровлению человека, делающего на костылях первые шаткие шаги.

Эти справки — черные дыры, куда улетают силы и время людей. Кто-то придумал эту громоздкую, тяжелую, убогую систему тотального недоверия, когда страдающего, больного человека гонят за справками, которые должны доказать бюрократу, что человек — не вор, что хирург — не аферист, что операция сделана не шутки ради и что протез — это протез.

Да вот же они, протезы, внутри человека, видны на рентгеновском снимке, их нельзя украсть!

Казуистика системы потрясает. Деньги за протез возвращают, если человек инвалид. А если он оформил инвалидность после операции эндопротезирования, то — нет, не возвращают, потому что на операционный стол он, этот человек с разрушенным суставом, лег НЕ инвалидом. А лег он не инвалидом, потому что у него воспалился сустав, операция нужна была срочно, и у него не было свободных полутора месяцев, чтобы бегать по врачам и оформлять инвалидность. Ах, у вас не было времени? Виноваты сами.

После двух операций начинается новый круг бессмысленных действий. Чтобы человеку с двумя протезами в теле получить инвалидность, нужно пройти осмотр у нескольких врачей из районной поликлиники. Записаться к врачу по телефону теперь нельзя, хотя в СССР было можно. А сейчас надо идти в поликлинику, записываться и потом снова приходиться на прием. Есть телефон, по которому якобы можно записаться в поликлиники города, но попробуйте позвонить по нему — и получите ответ: «Время ожидания минимум полчаса...» В переводе на язык жизни это значит: система занята устройством для вас очередных препятствий, ждите, быдло!

Но вот врач приходит к вам домой. Это молодой врач нового типа, который входит в квартиру, держа у уха мобильник, по которому он разговаривает со своей девушкой. Он кивает вам головой, типа, ну подождите, вы, там, на костылях, не видите, что ли, занят. Эти врачи, приходящие на дом к человеку, который только что выписался из больницы после тяжелой операции, прекрасно знают, что нужны только для того, чтобы заполнить очередную справку. Они никак не лечат, не имеют никакого отношения ни к чему полезному, ведут себя не как врачи, а как клерки, замаскированные перекошенными белыми халатами. Быстрым нечитаемым почерком они передуют в справку диагноз из больничного эпикриза и добавляют к нему обязательные формулы ни о чем. Так возникает «индивидуальный план реабилитации», настолько же формальный и пустой, как клятва пионера в позднесоветскую эпоху. Вам,ходящему на двух костылях, щедро выписывают трость, но получить ее все равно невозможно, потому что ее нет на складе. На этом всё. До встречи. Зайдете за справкой. Но клерки в белых халатах рассеянны и забывают о пациенте, так что справку удастся получить только через полтора месяца и с руганью. Эта справка не добавляет ничего нового к уже имеющимся, старым.

Справки, подписи, коридоры, собрание шуршащих бумажек в век электронного документооборота, сидения на стуле в коридоре у стены в ожидании, пока зам. главного врача поликлиники поест в своем кабинете в рабочее время и подпишет бумажку... Чувствуешь себя попавшим в затхлый казенный бред николаевской эпохи,

слушаешь стук вилок о тарелки из-за двери присутствия, ждешь появления писца с чернильным пятном на фаланге пальца и жандарма с кокардой и усами. В правой руке у меня теперь всегда огромный пакет с рентгеновскими снимками, в левой — папка со справками, на лице — извиняющаяся улыбка. Это типичный вид ходатая по делам больного. На снимки никто из врачей не смотрит, в лицо посетителю тоже, да и справки они не читают, только быстрым опытным взглядом проверяют их наличие.

В какой-то момент, чтобы скоротать время в долгих странствиях за бумажками, начинаешь придумывать, как все это должно работать. Есть больница. Есть хирург, который сделал операцию. Есть лечащий врач, который подробнейшим образом объяснил пациенту, как ему теперь жить. На руки больному выдается полный пакет документов об операции, о протезах, о восстановлении, о процедурах. Так оно и делается в жизни! А дальше автоматически, в соответствии с диагнозом, должна устанавливаться группа инвалидности. Ведь уже есть эпикриз, в нем все сказано, и ни один из клерков в белых халатах ничего не может добавить к эпикризу по существу. Такая система отменит не только разъезды тысяч людей за справками, не только сидение в коридорах и утомительное соблюдение пустых процедур — она отменит бюрократию вертухаев. Но иди-ка их, отмени!

И вот мы, людишки со справками в зубах, дрессированными собачками прыгаем один за другим через выдуманные ими барьеры, размахиваем костылями, погромыхиваем протезами, глотаем валокордин, молимся Богу, кланяемся и смиряемся.

Я жертва бреда. Я живу в бреде, который не я придумал. Меня туда, в бред, послал Минздрав. Я хожу по инстанциям за справками и заранее, по лицу врача, вижу, кто он такой. У хирургов сосредоточенные мрачные лица, и они очень немногословны. У начальственных врачей, работающих с бумагами, а не с больными, вальжная властная интонация, и они помыкают посетителями. По их лицам я заранее вижу, что мне сейчас нахамят. «Я вам сказала, ждите в коридоре!» И ждешь.

Начинается мой очередной бессмысленный виток хождений в очередную контору. Это бюро медико-социальной экспертизы. Звонить туда бессмысленно, потому что, с ненавистью пролаяв нечленораздельный ответ, — там бросают трубку. Жаловаться на швыряние трубки тоже бессмысленно, потому что до их начальника не дозвониться; в век, когда я по скайпу разговариваю со всем миром, главная контора МСЭ на Ленинградском проспекте оказывается недоступной, как дно океана. Там не подходят к телефону, и все. Бюро МСЭ находится в двух обшарпанных комнатах на верху лестницы, размещенное там как будто специально для того, чтобы больным, пожилым и особенно людям с больными ногами было где всласть полазить по крутым пролетам.

Врач МСЭ, как прежде врач из поликлиники, должен посетить больного на дому и убедиться в том, что он действительно тот, за кого себя выдает, и правда был прооперирован, и вся история с протезами не афера. Но и этому врачу идти никуда не хочется, потому что в глубине души он знает, что обмана нет. Любому клерку хватает справок, заверенных десятью подписями, восемью печатями и дополненных пятнадцатью крупноформатными рентгенами, на которые он, однако, никогда не смотрит, ибо ничего не понимает в них.

И вот перед тобой кладут на стол заветную розовую справочку об инвалидности и вкрадчиво дают наказ: эту копию отвезете в Пенсионный фонд, эту в собес... а про то, что нужно еще отвезти копии справки в ДЭЗ по соседству и в Мосэнерго на окраине Москвы, вы потом догадаетесь сами.

Это апофеоз абсурда и бытовой беспредел: учреждение берет своего клиента в полон и принуждает быть своим курьером! А не захочешь — отвечают с ледком неприязни в голосе: «Не повезете? Ваше дело! Мы вашу справку отправим по почте, но предупреждаем, что может и через полгода не дойти...» Смотришь на них и понимаешь, что они в своей мстительности могут твою справку и потерять; может потерять ее и «Почта России». А ведь этот драгоценный клочок бумаги ты оплатил временем своей жизни! Поэтому смиренно развозишь четыре справки по четырем адресам в разных концах Москвы. И думаешь: а где у них компьютеры, с мгновенной передачей информации? Где единая база данных инвалидов города, в которую фамилия могла бы попадать сразу после операции в больнице, в результате чего о новом статусе человека и положенных ему льготах узнавали бы в ту же секунду Пенсионный фонд, собес, ДЭЗ, Мосэнерго? Но этого нет, и мы знаем, почему этого нет. Не потому, что это технически невозможно. Это технически очень даже возможно. Этого нет потому, что система вертухаев ненавидит людей.

Любой вменяемый менеджер, понимая, что речь идет о больных и инвалидах, мыслью проделал бы весь их путь по улицам, этажам, коридорам, закоулкам, дворам и лестницам. Он вник бы в каждый их шаг, понял бы, какие шаги лишние, и тут же отменил бы их. Он потратил бы полдня, чтобы рассмотреть пустые бумажки и формальные процедуры, на которые тысячи людей тратят тысячи часов своей жизни, а потом одним

движением уничтожил бы их.

Но так сделал бы нормальный человек, а систему создавал ненормальный. Кто-то создавал ее не для того, чтобы людям, и без того попавшим в беду, было проще и легче выжить, а для того, чтобы на каждом шагу устраивать шмон, проверку бумаг и пересчет по головам. Смысл этой системы — пытка. За холодными, бесчеловечными процедурами сквозит сытое и злое лицо какого-то изначального, непреодоленного, до сих пор сидящего сычом в нашей жизни вертухая с малиновыми петлицами, для которого все мы не люди, а спецконтингент.

Эта система сбора перекрестных справок и рассылки инвалидов и их родственников в виде курьеров сделана людьми, которые не способны представить жизнь и боль других. И хочется дать им это представление.

Их хочется поставить на костыли и пустить разносить справки по конторам. Их хочется вынуть из кабинетов и пинком отправить по скользкому льду города собирать справки, подтверждающие, что им нужны капли в нос, пломбы для зубов и очки для глаз. Пусть тратят свою жизнь на пустоту. Пусть мнут свои костюмы от Бриони в метро. Пусть представляют нам на каждом шагу справки, что они не воры. Пусть ездят в один конец города, чтобы предъявить бумажку в другом.

Когда потаскаешься вот так пару лет за бессмысленными справками, когда потратишь часы и дни своей единственной жизни на мучительные бумажные процедуры — тогда начинаешь как-то по-другому смотреть на некоторые вещи. Несколько месяцев назад, в прошлом еще году, во время марша по Якиманке я шел за колонной анархистов и видел, что они несут огромный черно-красный транспарант, на котором изображена сцена уличного мятежа и написаны слова: «Голикова! Арбидол не поможет, брильянты не спасут!» С тех пор мадам Голикова сменилась другой мадам, но в этой человеконенавистнической системе — ничего не изменилось. Слова эти остались у меня в памяти, но только с каждой новой справкой они растут в моем мозгу и взбухают огнем.

Автор: Алексей Поликовский © Новая газета ЗДОРОВЬЕ, РОССИЯ 👁 4686 13.02.2013, 14:38 📌 433
URL: <https://babr24.com/?ADE=112213> Bytes: 16092 / 16064 Версия для печати

[👍 Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Алексей
Поликовский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)